

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ

ИЗЪ РУССКИХЪ ИЗДАНИИ.

Типъ формальнаго человѣка.—Искушеніе чловѣка.—Экономическое положеніе крестьянства.—Русская студентка на войнѣ.—Алайская царица и ея трагическая судьба.

Ан. П. Чеховъ по преимуществу беллетристъ-психологъ. Онъ мало интересуется общественными теченіями современной жизни, почти не касается социальныхъ вопросовъ, а изслѣдуетъ, такъ сказать, разновидности чловѣческой души. Почти всѣ его произведенія—художественно-психіатрическіе этюды, и быть можетъ, этотъ методъ творчества есть результатъ того спеціальнаго научнаго образованія, которое получилъ талантливый писатель.

Въ іюльской книжкѣ «Русской Мысли» онъ даетъ именно такую, какъ самъ опредѣляетъ, «разновидность чловѣческаго характера». Герой разсказа—чловѣкъ въ футлярѣ,—чловѣкъ, для котораго формы жизни совершенно заслонили скрывающуюся подъ ними сущность. Къ тому-же Бѣликовъ былъ учителемъ греческаго языка, т.-е. преподавалъ мертвую схему когда-то живой чловѣческой рѣчи. «Онъ былъ замѣчательнѣе тѣмъ, что всегда, даже въ очень хорошую погоду, выходилъ въ калошахъ и съ зонтикомъ, и непремѣнно въ тепломъ пальто на ватѣ. И зонтикъ у него былъ въ чехлѣ, и часы въ чехлѣ изъ сѣрой замши, и когда вынималъ перочинный ножъ, чтобы очинить карандашъ, то и ножъ у него былъ въ чехольчикѣ; и лицо, казалось, тоже было въ чехлѣ, такъ-какъ онъ все время пряталъ его въ поднятый воротникъ. Онъ носилъ темныя очки, фуфайку, уши закладывалъ ватой и, когда садился на извозчика, то приказывалъ

поднимать верхъ. Однимъ словомъ, у этого человѣка наблюдалось постоянное и непреодолимое стремленіе окружить себя оболочкой, создать себѣ, такъ сказать, футляръ, который уединилъ-бы его, защитилъ-бы отъ вѣшнихъ влияній». Такъ-же относился Бѣликовъ и къ проявленіямъ мысли. «Для него были ясны только циркуляры и газетныя статьи, въ которыхъ запрещалось что-нибудь. Когда въ циркулярѣ запрещалось ученикамъ выходить на улицу послѣ девяти часовъ вечера, или въ какой-нибудь статьѣ запрещалась плотская любовь, то это было для него ясно, опредѣленно; запрещено—и basta. Въ разрѣшеніи-же и позволеніи скрывался для него всегда элементъ сомнительный, что-то недосказанное и смутное. Когда въ городѣ разрѣшали драматическій кружокъ, или читальню, или чайную, то онъ покачивалъ головой и говорилъ тихо:—«Оно, конечно, такъ-то такъ, все это прекрасно, да какъ-бы чего не вышло». Всякаго рода нарушенія, уклоненія, отступленія отъ правилъ приводили его въ уныніе, хотя, казалось-бы, какое ему дѣло? Если кто изъ товарищей опаздывалъ на молитву, или приходилъ слухи о какой-нибудь проказѣ гимназистовъ, или видѣли классную даму, поздно вечеромъ съ офицеромъ, то онъ очень волновался и все говорилъ, какъ-бы чего не вышло. А на педагогическихъ совѣтахъ онъ (разсказываетъ его сослуживецъ) просто угнеталъ насъ своею осторожностью, мнительностью и своими чисто-футлярными соображеніями насчетъ того, что воть-де въ мужской и женской гимназіяхъ молодежь ведетъ себя дурно, очень шумить въ классахъ,—ахъ, какъ-бы не дошло до начальства, ахъ, какъ-бы чего не вышло,—и что если-бы изъ второго класса исключить Петрова, а изъ четвертаго—Егорова, то было-бы очень хорошо». И своей мнительностью Бѣликовъ удручалъ и гипнотизировалъ окружающихъ: ему уступали и подчинялись. При всей своей несобщинности Бѣликовъ ходилъ къ товарищамъ. «Придѣть къ учителю, сидѣть и молчать, и какъ-будто что-то выслушивать. Посидѣть этакъ, молча, часъ-другой и уйти». Это называлось у него «поддерживать добрыя отношенія съ товарищами», и очевидно, ходить къ намъ и сидѣть, было для него тяжело и ходилъ онъ къ намъ только потому, что считалъ это своею товарищескою обязанностью». Въ результатѣ Бѣликовъ возымѣлъ такое-же влияние на всѣхъ, какъ Ома Омичъ у

Достоевскаго: его боялись и учителя, и директоръ; «дамы по субботамъ домашнихъ спектаклей не устраивали, боялись, какъ-бы онъ не узналъ; и духовенство стѣснялось при немъ кушать скоромное и играть въ карты». Подъ его влияніемъ въ городѣ стали всего бояться: «бояться громко говорить, посылать письма, знакомиться, читать книги, бояться помогать бѣднымъ, учить грамотѣ»... Пятнадцать лѣтъ держалъ Бѣликовъ все общество въ страхѣ, но, наконецъ, и съ нимъ произошла катастрофа. Въ гимназію пріѣхалъ новый учитель съ сестрой, уже не первой молодости, но интересной дѣвицей, очень живого характера. На Бѣликова она произвела впечатлѣніе, и скучающее общество рѣшило поженить ихъ. Бѣликовъ и самъ былъ не прочь, но рѣшительнаго шага не дѣлалъ. «Онъ поставилъ у себя на столѣ портретъ Вариньки и все ходилъ ко мнѣ и говорилъ о Варинькѣ, о семейной жизни, о томъ, что бракъ есть шагъ серьезный, часто бывалъ у Коваленковъ, но образа жизни не измѣнилъ нисколько. Даже наоборотъ, рѣшеніе жениться подѣлывало на него какъ-то болѣзненно, онъ похудѣлъ, поблѣднѣлъ и, казалось, еще глубже ушелъ въ свой футляръ.—Варвара Саввишна мнѣ нравится, говорилъ онъ мнѣ со слабой, кривой улыбочкой,—и я знаю, жениться необходимо каждому человѣку, но... все это, знаете-ли, произошло какъ-то вдругъ... Надо подумать.—Что же тутъ думать? говорю ему.—Женитесь, вотъ и все.—Нѣтъ, женитьба—шагъ серьезный, надо сначала взвѣсить предстоящія обязанности, отвѣтственность... чтобы потомъ чего не вышло. Это меня такъ беспокоитъ, я теперь всѣ ночи не сплю. И признаюсь, я боюсь: у нея съ братомъ какой-то странный образъ мыслей, рассуждаютъ они какъ-то, знаете-ли, странно и характеръ очень бойкій. Женишься, а потомъ, чего добраго, попадешь въ какую-нибудь исторію». А исторія не замедлила. Какой-то шалунъ нарисовалъ карикатуру, въ которой былъ изображенъ Бѣликовъ въ парѣ съ Варинькой, а внизу подписи: «влюбленный антропосъ». Но не такъ Бѣликовъ былъ огорченъ карикатурой, какъ тѣмъ, что Варинька съ братомъ катаются на велосипедѣ. Онъ пришелъ къ брату Вариньки прежде всего заявить, что не давалъ повода своимъ поведеніемъ къ появившейся карикатурѣ, а затѣмъ «предостеречь», что катанье на велосипедѣ не приличествуетъ ни педагогу, ни женщинѣ. Объ этомъ,

наконецъ, можетъ дойти до директора, до попечителя... Въ отвѣтъ Коваленки Бѣликовъ усмотрѣлъ неуваженіе къ властямъ и заявилъ, что считаетъ себя обязаннымъ доложить о разговорѣ директору «въ главныхъ чертахъ». Тогда Коваленко схватилъ его за шиворотъ и спустилъ съ лѣстницы. На бѣду Варинька возвращалась домой, и паденіе Бѣликова заставило ее расхохотаться. «И этимъ раскатистымъ, залихватымъ «ха, ха, ха» завершилось все: и святство, и земное существованіе Бѣликова. Уже онъ не слышалъ, что говорила Варинька, и ничего не видѣлъ. Вернувшись къ себѣ домой, онъ прежде всего убралъ со стола портретъ, а потомъ легъ и уже не вставалъ. Дня черезъ три пришелъ ко мнѣ Аванасій (слуга Бѣликова) и спросилъ, не надо-ли послать за докторомъ, такъ-какъ де съ бариномъ что-то дѣлается. Я пошелъ къ Бѣликову. Онъ лежалъ подъ пологомъ, укрытый одѣяломъ, и молчалъ: «спросишь его, а онъ только да или нѣтъ—и больше ни звука». Черезъ мѣсяцъ Бѣликовъ умеръ.

Авторъ старается придать типу Бѣликова болѣе болѣе значеніе. Смерть его для мѣстнаго педагогическаго мірка показалась освобожденіемъ отъ какого-то гнета. Но «сколько еще такихъ человѣковъ въ футлярѣ осталось, сколько ихъ еще будетъ!» восклицаетъ авторъ усталими лицами, отъ котораго ведется разсказъ. «А развѣ то, что мы живемъ въ городѣ въ духотѣ, въ тѣснотѣ, пишемъ ненужныя бумаги, играемъ въ винтъ—развѣ это не футляръ? А то, что мы проводимъ всю жизнь среди бездѣльниковъ, сутягъ, глупыхъ, правдныхъ женщинъ, говоримъ и слушаемъ разный вздоръ—развѣ это не футляръ?»

Жизненные противорѣчія, послужившія темой для разсказа А. П. Чехова, дали изъ иной области психологическій матеріалъ разсказу А. Лугового, напечатанному въ «Вѣстн. Европы». Разсказъ этотъ озаглавленъ «Взятка». Къ крупному чиновнику Пожарскому является акціонерный дѣлецъ Смолинъ съ просьбой принять участіе въ новомъ акціонерномъ предпріятіи, причемъ ему будетъ удѣлено извѣстное число акцій. Это новый видъ взятки, которыми теперь подкупаютъ нужныхъ лицъ въ административныхъ сферахъ. Пожарскій—человѣкъ рѣдкой честности и сурово выпроваживаетъ Смолина. Подобныя искушенія представлялись не разъ въ служебной карьерѣ